

Когда Цян Янь вышел с князем в галерею, то крепко схватил его и прошептал:

— Есть кое-какое дело, нужно участие князя Мина.

— Что за дело? — юноша остановился.

— Цзюнь лин-сы приказал, чтобы князь Мин во что бы то ни стало пригласил учителя Суня в зал заседаний. Хотя бы раз. Так как военное положение крайне серьёзное и не терпит промедления.

Фэн Мин в глубине души пожаловался на трудности, ведь и ему было понятно [1], что они надеялись на помощь императрицы в расшифровке письма, и если на этот раз снова прибегнуть к обману, сказав, что в письме чего-то не хватает, то, вероятно, можно вызвать ещё больше подозрений у Цзюнь Цина. Для вида князь, конечно же, кивнул, говоря:

— Хорошо, я немедленно отправлюсь к своему учителю.

Цан Янь радостно ответил:

— Прекрасно, я тогда составлю компанию князю Мину.

Вдовствующая императрица как раз пила чай в гостиной и, услышав слова Фэн Мина, с лёгкой улыбкой сказала:

— Поскольку это относится к напряжённой военной обстановке, учителю не стоит лениться и тотчас же нужно отправляться в зал заседаний. Надеюсь, он находится не слишком далеко.

Цан Янь проговорил:

— Не посмеём утруждать учителя Суня и потому приготовили для учителя маленький паланкин, который как раз ожидает за дверью.

Фэн Мин украдкой скорчил рожицу матушке-императрице, а сама женщина спокойно посмотрела на князя. Увидев, что у матушки императора Силэй, похоже, уже есть готовый план [2], юноша немного успокоился.

Во всяком случае, сегодня у Цзюнь лин-сы заговорила совесть, так как он не только подготовил паланкин для женщины, но ещё предоставил коня князю Мину, и несколько человек отправились в зал заседаний, где всё командование уже прибыло в полном составе, а Цзюнь Цин сидел на троне в самом центре зала.

Вдовствующая императрица разместилась в специально выдвинутом удобном кресле, Цзюнь Тин по-прежнему стояла за спиной своего отца, только вот Линь Инь сидел на другом более дальнем месте. Остальные вторые помощники полководца не имели своих мест, больше половины стояли позади своих непосредственных начальников, а позиция Линь Иня полностью объясняла его особое значение в армии Дунфань.

Как бы там ни было, но Фэн Мину в этом плане повезло немного больше: он мог, тщательно наблюдая, выяснить некоторую полезную информацию.

— Сегодня шпион вновь пытался приблизиться к дислокации нашей армии, но его обнаружили караульные, при шпионе также была найдена часть странного письма. Только крайне досадно, что, как и прошлый шпион, увидев, что его хотят поймать, он тотчас же покончил жизнь самоубийством, приняв яд. Это копии письма.

Каждый получил по копии.

Как только Фэн Мин взял в руки послание, то немедленно опустил голову и уже был готов перевести.

«Точка, тире, точка, точка, тире... точка, точка, тире, тире...»

Мириады мыслей завертелись в голове; с трудом сдерживая готовое вот-вот выпрыгнуть из груди сердце, Фэн Мин насилу безмолвно перевёл несколько фраз: «Не проливая крови, победить с помощью гороха» [3].

«Эти слова не похожи на слащавые». И в душе ни с того ни с сего проскользнуло лёгкое разочарование. Имея достаточно много опыта, князь, сразу придя в себя, начал браниться: «Столько времени прошло, но кто бы мог подумать, ты всё ещё не можешь забыть эту чепуху».

Не проливая крови, победить с помощью гороха?

«Не проливая крови» — он научил Жун Тяня этой фразе и, конечно же, понимал, что это значит. Вот только «победить с помощью гороха»... Горох, как будто некое продовольствие? Неужели Жун Тянь планирует сжечь зимнее зернохранилище Дунфань?

Вот только если сжечь зернохранилище, умрёт большая часть бедного народа Дунфань, однако на знать это не окажет огромного влияния. К какому же, в конце концов, плану хочет прибегнуть Жун Тянь, чтобы поглотить Дунфань и к тому же спасти его, князя ?

Из-за раздумий брови Фэн Мина сошлись на переносице, создавая большую складку, а настроение упало, став таким же, как у генералов, которые находились рядом.

Сидящий в центре зала Цзюнь Цин задумался на миг, после чего посмотрел на вдовствующую

императрицу:

— Позвольте спросить учителя Суня: эта часть письма — продолжение того, что мы получили в прошлый раз? — Иными словами, мужчина хотел спросить: «Опираясь на эти две части письма, можно ли понять, что там написано?»

И множество взглядов, как по уговору, упали на вдовствующую императрицу.

Сама же женщина, словно не заметив эти бросающие в дрожь взгляды на себе, с безмятежным выражением лица внимательно посмотрела на письмо в руках и только лишь потом, подняв голову, спокойно проговорила:

— Эта часть письма действительно продолжение того, что господин Цзюнь лин-сы показывал вчера, но это вовсе не целое письмо, лишь две части, не более.

На лице Цзюнь лин-сы отразилось разочарование, но потом мужчина всё же немного скрыл его, в глазах сверкнул блеск, словно Цзюнь Цин начал что-то подозревать.

— Однако... — протяжно отозвалась вдовствующая императрица, «подвешивая» сердца генералов в воздухе, и блёкло ответила: — Хоть письмо и не собрано, но, соединив две части вместе, худо-бедно можно немного разобраться в сути. Если господин Цзюнь лин-сы не против, я согласна разгадать его общий смысл.

Фэн Мин в душе кричал «браво», ведь таким образом можно было не только нести всякую чушь, разгадывая содержание, но к тому же не бояться, что они потребуют переводить слово в слово, так как это может выдать императрицу и его с головой.

Генералы Дунфань в душе даже вздрогнули. Цан Янь проговорил:

— Просим учителя смело разгадывать.

Цзюнь лин-сы слегка кивнул, также принимая радостный вид.

Женщина закрыла глаза, задумываясь на минуту, а затем, открыв их, начала:

— Небесные письма слишком сложны для понимания, в каждом слове содержится очень много информации, которая не даёт исчерпывающий ответ. Я только могу достать предположительные сведения, связанные с Дунфань. Угу... Большая беда нависла над Дунфань.

Вдовствующая императрица тихо сказала про это неблагоприятное предсказание, однако до её слуха донёсся насмешливый тон:

— Учитель без раздумья сказал подобную клевету. Неужели в моём Дунфань нет никого, кто бы не оскорбился от этого?

Место Линь Иня не претендовало на главное, а находилось позади второго ряда, скрывая второго помощника полководца в тени, однако стоило ему открыть рот, как множество внимательных взглядов обратились к нему. Цзюнь Тин, нахмутив брови и стоя позади отца, слегка покачала головой, желая, чтобы Линь Инь не болтал бестолку. Однако молодой мужчина, словно не обращая внимания, продолжал кривить губы в холодной усмешке.

Цзюнь Цин равнодушно произнёс:

— Линь Инь, как ты можешь так бесцеремонно относиться к учителю? — Вот только в глазах самого генерала уже появилось сомнение насчёт лжи князя и этого жеманного учителя Суня. Потому тон речи совершенно не казался таким строгим.

Линь Инь, поднявшись на ноги, поклонился Цзюнь Цину, сложив руки в знак почтения, после чего повернулся к императрице и, без высокомерия и заискивания поклонившись, громко проговорил:

— Молодой солдат [4] Линь Инь является помощником тринадцатого помощника полководца, прошу учителя простить за бесцеремонность молодого солдата. Однако это сомнение молодого солдата, и он не может его не высказать сегодня. — Молодой человек обратился к генералам, отчётливо произнося каждое слово: — Господа генералы, подобные письма действительно ли являются методом общения духов с людьми? А эти частицы письма действительно ли являются частью целого послания? Что, в конце концов, содержится в этом письме? Мы только и можем, что узнать об этом от князя Мина и учителя Суня, и то в общих чертах. Что господа генералы думают по этому поводу?

Фэн Мин холодно буркнул:

— По мнению второго помощника полководца Линь Иня, я и мой учитель преднамеренно лжём, чтобы обмануть Цзюнь лин-сы? — Это называлось «вор кричит: "Держи вора!"»[5], вот только неизвестно — в подобной ситуации это сработало бы?

Ни капли не показывая своей слабости, Линь Инь встретился с взглядом князя и, сохраняя прекрасные манеры, сказал со смехом:

— Молодой солдат не позволит себе такой дерзости. Просто князь Мин некогда говорил, что учитель понимает подобного рода письма, с огромным трудом мы нашли и пригласили учителя, однако, опираясь на довод, что письмо не полное, учитель так и не смог его дословно перевести, а сейчас, получив вторую часть письма, учитель только и смог сказать «потрясающую» новость, что над Дунфань нависла большая беда. Такое поведение не может не вызвать огромного сомнения в том, что учитель Сунь нарочно увिलивает от ответа.

Теперь Цзюнь Цин высказал своё мнение:

— Линь Инь, поделись своими мыслями.

— Молодой солдат набрался смелости и просит князя Мина или учителя Суня привести доказательства, которые позволят нам убедиться, что это, несомненно, речь духов.

И неудивительно, что с помощью подобной лёгкой обманной манипуляции крайне непросто было обвести вокруг пальца множество талантливых генералов, поэтому Фэн Мин, подумав, что было бы неуместно ухудшать ситуацию, решил промолчать.

— Хе-хе... — в полной тишине раздался лёгкий смех вдовствующей императрицы. — Лжёт человек или нет, лишь Небесам известно, и мне нет нужды что-либо доказывать молодому солдату. — Женщина спокойно посмотрела на Цзюнь лин-сы, ясный взгляд был подобен светящейся сотканной сетке, растянувшейся над головой Цзюнь Цина. — Вот только в душе Цзюнь лин-сы почти наверняка сомневается во мне, верно?

Мужчина равнодушно сказал со смехом:

— Если бы учитель мог привести какие-нибудь доказательства, тогда, конечно, было бы лучше.

— Цзюнь лин-сы ещё не выслушал мои мысли. — Вдовствующая императрица приняла благоговейный вид, и, держа в руках письмо, внимательно рассмотрела его и со вздохом проговорила: — Здесь не только говорится о бедствии Дунфань, есть ещё несколько намёков. Нападение на Дунфань начнётся с юга, в окрестности войска строят засаду, угрожая столице. — Очень правдоподобно пробормотав несколько фраз, мать-императрица закрыла глаза и проявила сочувствие к людям [6]. — Небеса уже ясно показали — столица Дунфань столкнётся с бедствиями, которое придёт с находящейся на юге засады. Не важно, верит Цзюнь лин-сы или нет, я всё же растолковала письма. — Договорив и изящно поднявшись с места, женщина направилась к главному входу.

Множество людей, обменявшись растерянными взглядами, помимо своей воли уступили дорогу, позволяя вдовствующей императрице спокойно покинуть зал заседаний.

Фэн Мин, естественно, используя выгодную обстановку, сразу поднялся на ноги и холодно обратился к Цзюнь Цину:

— Если Цзюнь лин-сы подозревает нас с учителем во лжи, то вполне может приговорить нас к смерти. Только перед тем, как Цзюнь лин-сы решит совершить ошибку, лучше пусть сначала направит людей и проверит: действительно ли к югу от городской стены засада. — Посмотрев на Линь Иня и притворившись рассерженным, князь отправился вслед за женщиной.

Незачем было спрашивать, что смелые слова Её Величества, конечно же, были заранее

обговорены с Жун Тянем.

Где к югу от городской стены и сколько войск скрываются в засаде?

Примечания:

[1] В оригинале фраза дословно звучит как «даже подумав коленями, поймёшь», а аналог «и ежу понятно» используется в разговорном контексте.

[2] В оригинале фраза звучит как «в душе (в уме) иметь готовый бамбук» (прежде чем начать рисовать его); обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[3] Первая часть фразы мало того, что в оригинале звучит как «у оружия не окровавлены лезвия», обр. о лёгкой, успешной победе, так ещё и принадлежит Сунь-цзы. А фраза целиком «не проливая крови, победить с помощью гороха/фасоли» означает: используя любые мелочи, можно ловко одержать победу, и нет необходимости марать клинки кровью.

[4] В оригинале Линь Инь называет себя «сяоцзян», что является прозвищем среди учащихся в период «культурной революции» (букв. «маленький генерал» или «молодой солдат»).

[5] Обр. в знач.: отвести подозрение, перевести подозрение на другого.

[6] В оригинале фраза звучит как «скорбеть о мире, жалеть людей», обр. в знач.: любить народ, сочувствовать и сострадать людям.

<http://bllate.org/book/13377/1190153>